

ною жизнью и причастный ей, может привлечь и заговорить со всеобъемлющей силой и мощью, возбуждающей нравственную энергию и порождающей всецелую готовность на духовные самоотверженные подвиги. Таковым, именно, увлекающим образом, носителем и руководителем небесной жизни был и есть Святитель Божий Теофанъ. Онъ больше училъ подвигами жизни, нежели словом, хотя и послѣднее имѣетъ нынѣ то же самое значеніе, какое имѣла его личная аскетическая богоугодная жизнь. Ибо и жизнь и проповѣдь Слова Жизни были у него въ полной священной гармоніи. Дѣла не расходились со словами, а согласовались въ одномъ стремленіи къ вѣчнымъ, небеснымъ обителямъ. И св. обитель его, въ которой онъ подвизался, живетъ и дышетъ тѣмъ же свято-отеческимъ богоноснымъ духомъ, дѣятельнымъ и дѣйственнымъ, носителемъ котораго являлся тайно-зритель аскетъ. Да, дивна и чудна св. обитель Вышенская по своимъ духовнымъ молитвеннымъ дарованиямъ, по духовному сокровищу, въ ней сокрывающагося Святителя Теофана.

Не менѣе также очаровательна и самая природа, ее окружающая. Два весьма благолѣпныхъ и довольно обширныхъ собора съ братскими келейными строениями окаймлены рѣками Цною и Вышею, окружены сосновымъ многолѣвковымъ боромъ, берозовымъ и липовымъ лѣсомъ, наполняющимъ въ лѣтнее время воздухъ благоухающимъ ароматомъ. Приди и видишь, и узришь благолѣпіе неба и земли! Не мнѣ, безразсудному, свидѣтельствовать о себѣ обители и ея неотъемлемомъ духовномъ сокровищѣ. Самъ незабвенный наставникъ монаховъ и собесѣдникъ Ангеловъ Святитель Теофанъ такъ говоритъ о ней: „лучше Выши нѣтъ ничего на свѣтѣ“. „Вы меня называете счастливымъ. Я и чувствую себя таковымъ, и Выши своей не промѣняю не только на С.-Петербургскую митрополию, но и на Патріаршество, если бы его возстановили у насъ, и меня назначили на него“ *).

Инокіи обители—иноки креста и смиренія, ревнители и носители свято-отеческаго братолюбія и послушанія. Меня „праздношатайку“ они приняли какъ хорошаго человѣка, называя „дорогимъ гостемъ“, удастая зашии въ свои монастырскія лѣтописи. И дѣйствительно, я негодный, оказался въ такой любви, почести и сердечной привязанности, что нѣкоторые, при первомъ моемъ посѣщеніи храма Божія (стоялъ я позади всѣхъ у самыхъ дверей), подходили ко мнѣ и даже въ утвердительно тонѣ рѣчи обращались ко мнѣ: „вы у насъ останетесь, вы у насъ жить и служить будете“. Я же, находясь въ самоуглубленномъ, молитвенномъ настроеніи, и не замѣчая, кто ко мнѣ подходилъ и что говорилъ, былъ пораженъ и даже радостно смущенъ этимъ, машинально

и безвизно, съ неизвѣстною для себя увѣренностью, отвѣчалъ: „да“, продолжая внутреннюю молитву. И чувствуется мнѣ, что мой невидимый наставникъ Святитель Теофанъ вѣсть мнѣ подаетъ, зоветъ къ себѣ, ибо я всегда призывалъ и призываю его въ молитвахъ. Его изображеніе всегда у меня передъ глазами. Былъ я и въ его келейныхъ комнатахъ, лобызалъ и надѣвалъ на себя его собственную камилавку, въ которой онъ во время затвора выглядывалъ съ балкона и бросалъ въ свѣткахъ бумаги лепты пугающимся. Молился въ его домашнемъ келейномъ храмѣ: маленькій престолъ, маленькій жертвенникъ, иконы, а изображеніе св. Тихона Задонскаго вездѣ и всюду его сопровождало. Нѣсколько иконъ самымъ, Святителемъ написанныхъ, есть и недоконченныя, такъ онѣ и сохраняются. Служилъ я въ соборномъ храмѣ двѣ литургіи, одну всенощную, молебень преподобному Теофану Исповѣднику (Ангель Святителя 12 марта) и панихиду у священной и весьма благообразной гробницы Святителя Теофана о причтеніи его къ лику святыхъ. И все это совершалось мною съ неописуемымъ воодушевленіемъ, глубокимъ нравственнымъ наслажденіемъ и улаженіемъ. Чувствовалось самое тѣснѣйшее единеніе со Святителемъ наставникомъ. И самая гробница внушаетъ какое-то особенное благоговѣніе къ мѣсту упокоенія избранника Божія. На верхней мраморной сторонѣ ея, кромѣ надписанія Евангельскаго текста и изображенія Святительскихъ принадлежностей, весьма рельефно выдаются три, высѣченныя изъ мрамора, книги: *Добротолюбіе*, *Толкованіе апостольскихъ посланій*, *Начертаніе христіанскаго нравоученія*,—которыя своимъ содержаніемъ наводятъ спасительныя думы о постоянномъ совершенствованіи духовнаго внутренняго человѣка.

Инокъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Всенощное бдѣніе въ пастырскихъ поученіяхъ *).

IV.

На пути нечестивыхъ не иди, ниже возревнуй путемъ законопреступныхъ. (Притч. Сол. 4, 14.)

Послѣ великой эктении мы слышимъ за всенощной поютъ: «Блаженъ мужъ...» стихи, взятые изъ трехъ первыхъ псалмовъ (1, 1, 6; 2, 11; 3, 8, 3). Пѣніемъ—«блаженъ мужъ» мы побуждаемся не подражать нечестивымъ и не имѣть съ ними общенія, потому, что человѣкъ, который не ходитъ на совѣтъ или въ общество нечестивыхъ, счастливъ самъ въ себѣ, въ своей душѣ, и отъ Бога удостоится блаженной жизни въ вѣчномъ царствѣ. Святой пророкъ Давидъ говоритъ о себѣ: не сидѣлъ я съ людьми живыми, и съ коварными не пойду (тол. 25, 4.) Онъ, описывая грѣхопаденіе народа Еврейскаго, говоритъ,

*) Собраніе писемъ. IV выпускъ, 35 с. Москва. 1899 г.

*) Продолженіе, см. № 7 «Сарат. Дух. В.».

как этот народ вопреки повелѣнія Божія, дружилъ и родился съ идолопоклонниками земли Ханаанской и вслѣдствіе этого дошелъ до крайней мѣры развращенія (псал. 105, 34—39.) Святый Апостолъ Іоаннъ пишетъ: «возлюбленный! не подражай злу, но добру. Кто дѣлаетъ добро, тотъ отъ Бога, а дѣлающій зло не видѣлъ Бога.» (3 Іоан. II ст.) И Господь говорилъ: «берегитесь лежероковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные (Матѣ. 7, 15.) Далѣе стихъ: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтесь ему съ трепетомъ*, (тв. I. Зл. т. VI. кн. 1-я. 482 стр.) вразумляетъ насъ имѣть въ себѣ страхъ Божій, радостное благоговѣніе предъ Богомъ. Премудрый Соломонъ говоритъ: «милосердіемъ и правдою очищается грѣхъ, и страхъ Господень отводитъ отъ зла». (Притч. Сол. 16, 6.) Именно благоговѣющій предъ Богомъ и твердо вѣрующій въ промыслъ Божественный спасается отъ бѣдъ (Псал. 90, 9, 10).

Въ дальнѣйшемъ стихѣ церковь научаетъ насъ обращаться съ молитвой къ Богу: *воскресни Господи, спаси мя Боже мой*. Возстанъ Господи! Т. е. прими живое, близкое участіе во мнѣ, Самъ заступишь за меня во время людскихъ соблазновъ и нападеній на меня, Ты Самъ спаси меня отъ этихъ нападеній. Въ послѣднемъ стихѣ: *Господне есть спасеніе, и на людехъ твоихъ благословеніе твое*, выражается вѣра въ то, что только Господь можетъ спасти насъ отъ бѣдствій временныхъ и только отъ Него мы можемъ получить всѣ блага временныя и вѣчныя.

Всѣмъ намъ извѣстно, какъ соблазнъ дѣйствуетъ растлѣвающимъ образомъ на другихъ. Пророкъ Давидъ говоритъ: съ *преподобнымъ подобенъ будешь, и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будешь, и со избраннымъ избранъ будешь, и со строптивымъ развратившійся* (Псал. 17, 26, 27. Злат. т. VI, кн. 1-я, 334 и 335 стр.) Извѣстно, какъ дурной примѣръ быстро дѣйствуетъ на другихъ, особенно на молодыхъ людей. Соблазны бывають разнаго рода. Немало есть лежучителей, соблазняющихъ неопытныхъ измѣнить вѣрѣ православной и принять ложное ученіе. Апостолъ Павелъ писалъ: «ученіями различными и чуждыми не увлекайтесь» (Евр. 13. 3). Есть немало соблазнителей па безирравственную жизнь. Распутники, пьяницы, сквернословы, коихъ по жизни нельзя назвать христіанами, которые не хотятъ знать законовъ ни божескихъ ни человѣческихъ, производятъ растлѣвающее дѣйствіе на людей ихъ окружающихъ. Апостолъ Павелъ писалъ: «блудъ и всякая нечистота... не должны даже именоваться у васъ, какъ прилично святымъ. Также сквернословіе и пустословіе и смѣхотворство не приличны вамъ. (Ефес. 5, 3, 4). Премудрый говоритъ: «кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, того

и молитва—мерзость. Сворачивающій праведныхъ на путь зла самъ упадетъ въ свою яму. (Притч. Сол. 28, 9, 10) Спаситель говоритъ: «горе міру отъ соблазновъ; ибо надобно прійти соблазнамъ; но горе тому человѣку, чрезъ котораго соблазнъ приходитъ» (Матѣ. 18, 7). Мы замечаемъ, что въ большихъ городахъ болѣе соблазновъ, отвлекающихъ христіанъ отъ исполненія христіанскихъ обязанностей. Разныя зрѣлища, театры, цирки *) влекутъ къ себѣ и часто отвлекають отъ посѣщенія храма Божія. Слышешь праздничный звонъ колоколовъ, призывающій на общую молитву, а люди—христіане, глядишь, идутъ прочь отъ храма Божія на зрѣлища.

И молитва опущена, душа не утѣшена, и слово Божіе не коснулось сердца. Мало помалу такіе христіане отвыкають отъ молитвы и тяготятся церковною проповѣдію, сердце ихъ все грубѣетъ; а они отцы и матери малыхъ дѣтей. Эти дѣти, видящія соблазнъ въ домахъ своихъ родителей, идутъ къ своимъ сверстникамъ, которыхъ родители не заставили идти въ храмъ Божій на молитву, собираются, въ праздникъ, даже во время совершенія литургіи, и свернословіемъ упражняются въ играхъ. А спроситъ ихъ—знають ли они вѣрученіе христіанское, знають ли—чего требуетъ Христосъ отъ своихъ послѣдователей? Они не дадутъ отвѣта. Святая церковь пѣиетъ—«блаженъ мужъ» утѣшаетъ и ободряетъ молящихся въ храмѣ, и какъ бы такъ говоритъ: вы хорошо сдѣлали, что пришли сюда въ храмъ, а не поступили такъ, какъ дѣлають лѣнивые, которые безъ всякой причины остаются дома, занимаясь пустыми разговорами съ подобными себѣ.

Станемъ же, православные христіане, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ прислушиваться къ пѣнію и чтенію въ храмѣ за богослуженіемъ! Какъ пріятно и отрадно быть за богослуженіемъ, понимая каждое дѣйствіе, каждый священный обрядъ, каждую молитву и каждую священную пѣснь. А если кто слушаетъ богослуженіе, но его не понимаетъ, если кто даже умѣетъ читать молитвы и пѣть священныя пѣсни, но не понимаетъ ихъ, то душа его не можетъ вполне удовлетвориться молитвою. Апостолъ Павелъ объ этомъ разсуждаетъ такъ: «когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хоть духъ мой и молится, но умъ мой остается безъ плода» (1 Кор. 14, 14). Т. е., молитва моя совершается

*) Въ нынѣшнія времена упадка релігіозно-нравственныхъ силъ многие думаютъ сообщить свѣжесть силъ и энергіи въ дѣланіи добра посредствомъ театровъ и разнаго рода народныхъ развлеченій, думая этимъ доставить народу праздничный отдыхъ, оторвать ихъ отъ пороковъ пьянства и буйнаго разгула, между тѣмъ театры и разныя незатѣйливыя народныя зрѣлища только повторяють слабые и страсти людскія, волнуютъ сердца, сообщаютъ воображенію пагубные образы и представленія. Вообще, когда эти развлеченія такъ сказать дѣлаются нашимъ сокровищемъ, тогда они привязываютъ къ себѣ наше сердце, становится потребностію нашей души, господствуютъ надъ нашимъ умомъ, волею и сердцемъ и перьдо становятся причиною разныхъ преступленій и гибельныхъ пороковъ (Св. I. Злат. противъ театровъ т. VII, кн. 1-я стр. 69, 70, 411, 412).

не всецѣло: она питаетъ чувство, но оставляетъ безъ удовлетворенія умъ. Когда молитвословія остаются непонятными для предстоящихъ за богослуженіемъ, то становится неутрадно и совершающимъ оное для другихъ. Поэтому, слушатели, постарайтесь понять богослуженіе церковное: это будетъ отрадно и спасительно какъ для васъ, такъ и для совершителей богослуженія. Аминь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Протоіерей *Николай Русановъ*.

II.

Къ вопросу о воспитаніи русскаго народнаго характера.

Каждый человѣкъ, какъ извѣстно, имѣетъ свой опредѣленный характеръ. Подъ характеромъ человѣка нужно разумѣть и разуміють совокупность привязанностей, наклонностей и привычекъ, которыми чаще всего и больше всего онъ руководится въ своей жизни и въ своихъ поступкахъ. Точно также и каждый народъ, значить—и народъ русскій, имѣетъ свой опредѣленный характеръ. Подъ характеромъ народа разуміють также совокупность господствующихъ въ немъ привязанностей, склонностей и привычекъ, которыми опредѣляется въ главныхъ чертахъ его жизнь. Характеры какъ людскіе, такъ и народныя, бываютъ разные, и прежде всего и главнѣе всего—бываютъ характеры дурныя и хорошія. Хорошимъ характеромъ называютъ такой, въ которомъ преобладаютъ привязанности, наклонности и привычки добрыя, дурнымъ наоборотъ—такой, въ которомъ преобладаютъ привязанности, наклонности и привычки дурныя. Безукоризненно хорошіе характеры встрѣчаются какъ весьма рѣдкія исключенія, потому что природа человѣческая повреждена грѣхомъ, точно также и характеры безусловно дурныя встрѣчаются рѣдко, потому что природа человѣческая не настолько повреждена грѣхомъ, чтобы въ самомъ даже порочномъ человѣкѣ со всѣмъ не могло оставаться добрыхъ привязанностей и наклонностей.

На образованіе характеровъ оказываетъ, безспорно, вліяніе вообще законъ наслѣдственности, о которомъ такъ часто говорятъ и пишутъ, а прежде всего законъ наслѣдственности грѣха, о чемъ, къ сожалѣнію, такъ часто забываютъ. Но вліяніе закона наслѣдственности и другихъ условій на образованіе характеровъ не настолько велико, чтобы здѣсь не оставалось мѣста чело-вѣческой свободѣ и чело-вѣческому разуму. Отсюда и вытекаетъ весьма важная и священная задача воспитанія характеровъ.

Воспитывать характеры значитъ, сообразно съ вышесказаннымъ, укрѣплять, поддерживать и развивать, какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ наро-

дахъ, привязанности, наклонности и привычки добрыя, ослаблять и искоренять—дурныя.

На комъ лежить эта священная задача, этотъ священный долгъ?

Что касается отдѣльныхъ лицъ, то этотъ долгъ въ отношеніи къ дѣтямъ и вообще несовершеннолѣтнимъ лежитъ прежде всего на родителяхъ и воспитателяхъ; а за тѣмъ, по достиженіи совершеннолѣтія, каждый человѣкъ принимаетъ этотъ долгъ на себя и на свою отвѣтственность. Лучшіе и благороднѣйшіе люди въ чело-вѣчествѣ и трудятся надъ воспитаніемъ своихъ характеровъ до самой смерти, тогда какъ худшіе и негодные очень рано отказываются отъ этой весьма трудной работы, думая извинить свои слабости то пресловутымъ закономъ наслѣдственности, то силою привычки, то вліяніемъ неблагоприятныхъ общественныхъ и иныхъ условій жизни и т. д., стараясь увѣрить, такимъ образомъ, и себя и другихъ, что въ ихъ порокахъ и слабостяхъ виноваты всѣ и все, что угодно, только не они сами.

Что же касается, теперь, народныхъ характеровъ, то священный долгъ воспитанія ихъ, не говоря уже о церкви, лежитъ прежде всего на правительствахъ, которыя оказываютъ могущественное вліяніе на жизнь народовъ путемъ законодательства. Бывали и бываютъ такія правительства, бывали и бываютъ и такія эпохи въ жизни народовъ, когда этотъ священный долгъ какъ-бы забывается и пренебрегается; но бываютъ и такія правительства и такія эпохи въ жизни народовъ, когда этотъ долгъ сознается весьма живо и ясно, и задача воспитанія народнаго характера преслѣдуется настойчиво.

Насколько можемъ судить и догадываться, современное намъ Русское Правительство и принадлежитъ именно къ числу тѣхъ правительствъ, которыя хорошо сознаютъ и высоко цѣнятъ обязанность воспитанія народныхъ характеровъ, и мы переживаемъ такую эпоху, когда на воспитаніе русскаго народнаго характера обращено серьезное вниманіе. Каждый здравомыслящій человѣкъ, любящій свое отечество, долженъ, конечно, этому радоваться, но одной этой радости далеко недостаточно. Каждый, по крайней мѣрѣ развитой и образованный русскій человѣкъ, понимающій свое общественное положеніе и свои общественныя обязанности, долженъ, по мѣрѣ своихъ силъ, принять живое участіе въ трудной работѣ Правительства и оказывать ему свое содѣйствіе; иначе дѣятельность его, направленная къ воспитанію русскаго народнаго характера, не принесетъ всѣхъ тѣхъ благихъ плодовъ, какіе ожидаются въ будущемъ. Начатая Правительствомъ работа настолько трудна и сложна, что здѣсь для всѣхъ желающихъ помочь ему, найдется дѣла достаточно.